

— Император, снаружи Юньсяо прибыла Вдовствующая императрица.

Император отдал строгий приказ никого не впускать, и теперь придворным приходилось несладко: они оказались меж двух огней, и никого из них нельзя было обидеть.

Глаза Цзин Яо опасно сузились. Он понимал: Вдовствующая императрица наверняка уже проведала о том, что произошло во Дворце Юньсяо. Однако она появилась на удивление быстро — он-то думал, она проявит больше терпения.

Цзин Яо бережно опустил Цзин Юня на кровать и, стараясь ступать бесшумно, подошел к дверям.

— Пусть идет во Дворец Цзинъяо, — тихо сказал он. — Я скоро буду.

Напоследок он бросил взгляд на спящего Цзин Юня и лишь тогда, полный нежелания уходить, покинул покои. Скрипнула дверь, плотно закрываясь и отсекая прочь всю суету внешнего мира.

Цзин Юнь медленно открыл глаза, и в его взгляде на мгновение мелькнул холодный блеск. Третий старший брат, Юнь-эр в конечном счете обманул тебя...

Он поднялся, привел в порядок одежду, расправил измятые рукава и открыл дверь.

Снаружи лежал глубокий снег, ветви деревьев, покрытые толстым слоем инея, под слабыми лучами солнца роняли редкие капли. Таяние снега — это надежда; когда же он исчезнет без следа, придет леденящий душу страх.

Спектакль начался?

Заметив, что Цзин Юнь вышел, евнух Яо поспешно накинул на него меховую накидку, боясь, что тот простудится.

— Император отправился во Дворец Цзинъяо, ваше высочество, вы...

— Со мной всё в порядке, — Цзин Юнь смотрел на ослепительно-белый пейзаж, погруженный в свои мысли, но отвечал четко и размеренно. — Мне нужно покинуть дворец. Ты знаешь, что делать.

Евнух Яо склонил голову в знак согласия.

Цзин Юнь немного подумал и добавил:

— Если он спросит, не скрывай ничего.

Иначе он боялся даже представить, что тот может натворить. Когда он только что притворялся спящим, в глазах Цзин Йо читалось такое отчаяние, что сердце дрогнуло. Если правда принесет ему хоть немного спокойствия, пусть будет так.

— Слушаюсь.

Цзин Юнь больше не произнес ни слова и, взмахнув рукавами, удалился.

Их люди расположились на постоялом дворе. Едва спрыгнув с коня, Цзин Юнь почувствовал, как на него навалилось нечто тяжелое. Он слегка нахмурился, сразу поняв, кто это.

— Юй Ху, ты снова набрал вес.

Юй Ху тут же надул губы, готовый расплакаться.

— Юй Ху не так уж много ел...

— Правда? — Цзин Юнь склонил голову набок, делая вид, что сомневается.

— Господин, он и в самом деле почти ничего не ел... — не выдержал Ань, решив вступить за друга. После ухода господина вчера Юй Ху ходил мрачнее тучи и отказывался от еды, сколько бы его ни уговаривали. Разве можно было при этом поправиться? Ань никак не ожидал, что столь наивный и беспечный парень окажется таким упрямым.

Янь, уже привыкший к подобным сценам, лишь фыркнул и отвел взгляд. Только Ань мог быть таким простофилей и кидаться с объяснениями.

Разумеется...

— Ты снова ничего не ел?! — голос Цзин Юня резко переменялся: от былой мягкости не осталось и следа, тон стал строгим. Перемена произошла мгновенно, без всяких признаков подготовки.

Ань только теперь понял, что господин сказал это лишь для того, чтобы вывести Юй Ху на разговор. Видимо, господин прекрасно знал характер Юй Ху.

Юй Ху опустил голову, искренне раскаиваясь. Такое поведение не позволяло Цзин Юню

продолжать отчитывать его.

— Разве я не говорил тебе? Если я куда-то уйду, ты должен исправно питаться. Почему ты никогда меня не слушаешь?

В его голосе все еще сквозило раздражение, но уже гораздо слабее, скорее с оттенком нежности.

— Цзин Юнь не было рядом, Юй Ху не мог есть...

Ань вздохнул про себя: Цзин Юнь и сам не понимал, как приучил его к такому. Неужели он действительно слишком его балует?

— Ладно. Пойдем, поедим вместе. Чего тебе хочется?

Стоило Цзин Юню оказаться рядом, как настроение Юй Ху мгновенно улучшилось, а вместе с ним проснулся и аппетит.

— Юй Ху хочет лапши из той лавки на углу!

Он заметил её еще по прибытии, но без Цзин Юня кусок в горло не лез. Теперь, когда тот вернулся, конечно, хотелось попробовать.

— Хорошо.

Цзин Юнь взял его за руку и направился к лавке. Его совершенно не смущало, что его изысканный наряд так резко контрастировал с уличной забегаловкой; он сел на стул так свободно и непринужденно, словно находился в собственном дворце.

— Одну порцию лапши, пожалуйста.

Хозяин лавки на мгновение замер, но тут же опомнился и радостно засуетился:

— Будет сделано! Сейчас принесу!

— В следующий раз никаких пропусков обеда, понял?

Юй Ху надулся и неохотно кивнул.

— Вот ваша лапша, господа!

Цзин Юнь пододвинул чашку к Юй Ху, жестом предлагая поест. Юй Ху захлопал глазами и спросил:

— А Цзин Юнь не будет?

— Я уже ел.

Юй Ху тихонько хмыкнул и уткнулся в чашку, а падающие на лоб пряди волос скрыли блеск его глаз.

Внезапно на рынке поднялся шум, послышался топот копыт. Что происходит?

Не успели они понять, как взбесившаяся лошадь на огромной скорости понеслась прямо на них. Цзин Юнь инстинктивно попытался оттолкнуть Юй Ху, но тот сам схватил его за руку и резко дернул.словно яркая бабочка, Цзин Юнь закружился в его объятиях. Заколка выпала, и черные, как тушь, волосы рассыпались по спине, очерчивая изящный изгиб. Полы его черного расшитого золотом халата взметнулись на ветру, издавая резкий шелест, а затем медленно опустились и замерли.

Придя в себя, Цзин Юнь обнаружил, что находится в объятиях Юй Ху.

В этот миг волосы Цзин Юня чернели, словно залитые тушью, лицо алело, как персик, а нахмуренные брови создавали картину такой неземной красоты, что окружающие застыли в изумлении.

Эта сцена навеки врезалась в память Юй Ху, словно острая заноза. По сравнению с Цзин Юнем весь остальной мир казался ничтожным. Если бы он знал, что ждет их в будущем — разлука и вражда, — выбрал бы он тогда этот путь? Он не знал. Он знал лишь одно: в его последующей жизни имя Цзин Юня никогда не тускнело, а с течением времени становилось лишь отчетливее. Оставить его — больно. Вырвать из сердца — нестерпимая мука.

— Ах... — раскаленная лапша опрокинулась прямо на Цзин Юня, и кожу обожгло острой болью. Можно ли считать это бедой, свалившейся с небес? Ни шагу нельзя сделать из дома, надо будет впредь гадать перед выходом...

Юй Ху пришел в себя, охваченный испугом.

— Цзин Юнь, очень больно? Юй Ху подует на рану...

В голосе уже слышались слезы.

— Сначала поднимись, — с трудом поднявшись, Цзин Юнь взглянул на взбесившуюся лошадь,

которая уже лежала на земле с пробитой шеей. Подойдя ближе, он заметил, что животное сразил обычный камешек.

Откуда на шумном рынке взяться бешеной лошади? И почему она понеслась так удачно именно на них? Похоже, кто-то жаждал его смерти. Но кто же пришел на помощь?

— Цзин Юнь... жжет...

Цзин Юнь опомнился и почувствовал, как пульсирует боль от ожога. Черт возьми, наверняка сожгло целый слой кожи!

— Господин... — Янь хотел что-то сказать, но Цзин Юнь остановил его взглядом. Тот явно тоже всё понял.

— Пойдем обратно.

Он прижал руку к ране, с трудом сдерживая стон.

Цзин Юнь осторожно снимал одежду, стараясь не задеть рану, но боль была невыносимой. Да как же этот бульон мог быть таким горячим!

Юй Ху ворвался в комнату, словно обрел спасение, радостно размахивая тубиком с мазью.

— Цзин Юнь, Юй Ху попросил у Яня мазь от ожогов, для тебя...

Остаток фразы застрял у него в горле. Его глаза расширились, будто он увидел нечто ужасающее.

— Твое тело...

На коже Цзин Юня виднелись следы поцелуев. Раньше он не замечал их, но стоило Юй Ху обратить внимание, как Цзин Юнь тут же пришел в себя и смущенно накинул одежду обратно. О боги, он же с таким трудом её снял!

— Мазь? Давай сюда, — он покраснел до корней волос и неуклюже попытался сменить тему, хотя и понимал, как нелепо это звучит.

— Кто это сделал?

Цзин Юнь был слишком занят своим смущением и не заметил, как помрачнел тон Юй Ху.

— Просто случайно задел.

Слишком уж плохая отговорка...

Не хочет говорить правду? Юй Ху сжал руки в кулаки, но на его лице по-прежнему играла наивная улыбка.

— Это комары покусали? Хи-хи, так смешно.

К концу фразы его голос стал холодным и жестким.

Цзин Юнь поспешно кивнул, благодарный за то, что тот нашел для него приличное оправдание.

Глубокая зима, откуда здесь комары? Цзин Юнь уже даже не пытался обмануть самого себя? Раз он кивает в ответ на такую глупость...

Он опустил голову и горько усмехнулся, скрывая странное выражение глаз.

— Юй Ху оставит мазь здесь. Цзин Юнь сможет сам нанести?

— Да, смогу, смогу. Выйди пока. О боги, позорище, вернусь — обязательно отлуплю Цзин Яо!

Хотя ему отчаянно хотелось стереть с его кожи следы, которые там не должны были находиться, и оставить собственные метки, сейчас было не время. Тот человек... его нельзя оставлять. И что с того, что он сын Вдовствующей императрицы? Те, кто вредит ему, не должны жить!

<http://bllate.org/book/21156/2144404>